

«Силовая политика» в действии СДЕРЖИВАНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ В НАГОРНО-КАРАБАХСКОМ КОНФЛИКТЕ

Аналитическая записка № 242

ПОНАРС Евразия

Сентябрь 2012 года

Сергей Минасян

Институт Кавказа (Ереван)

С академической точки зрения, а также исходя из перспектив реализации практической политики, нынешняя ситуация вокруг нагорно-карабахского конфликта является поучительным примером роли «силовой политики» (coercion)¹ в этнополитическом конфликте. В нынешней ситуации «ни мира, ни войны» и сохраняющегося статус-кво, силовая политика активно применялась (и будет применяться) как в переговорном процессе, так и в попытках влияния на оппонентов и внешних акторов.

Согласно традиционным подходам в исследованиях в сфере безопасности (security studies), силовая политика включает две основные парадигмы: *сдерживание* и *принуждение*. В одной из предыдущих аналитических записок я изучил возможности того, как Армения реализует стратегии сдерживания в карабахском конфликте². В данном мемо рассматривалась реализация Азербайджаном

¹ В англоязычной научной литературе широко употребляемое термин *coercion* (используются также *coercive policy*, *coercive diplomacy*, *strategic coercion*) обычно переводится как *принуждение*, однако представляется, что более точным смысловым эквивалентом данного термина будет *силовая политика*. Такой перевод более оправдан также с учетом того факта, что *принуждению* в англоязычной литературе соответствует более конкретный термин *compellence*. *Принуждение (compellence)* наравне со *сдерживанием (deterrence)* являются составными элементами в рамках более общей теории использования силовой политики (*coercion*) в современных исследованиях по теории международных отношений и безопасности.

² Sergey Minasyan, "The Quest for Stability in the Karabakh Conflict: Conventional Deterrence and Political Containment," PONARS Eurasia [Policy Memo No.188](#), George Washington University (September 2011).

стратегии принуждения. Исследование также включает сравнительный анализ взаимодействия между двумя типами силовой политики. Оно показывает, что принуждение, по сравнению со сдерживанием, имеет более сложную теоретическую структуру и механизм имплементации, что делает более трудным ее практическую реализацию.

Взаимодействие между сдерживанием и принуждением

Два основных элемента силовой политики, «оборонительный» (сдерживание) и «наступательный» (принуждение), отличаются не столько своими количественными и качественными военными, политическими и экономическими параметрами, сколько различием основных целей: сохранения или изменения статус-кво. Сдерживание – типичная стратегия сохранения, тогда как принуждение – стратегия по изменению.

В отличие от сдерживания, принуждение не имеет столь разработанной теоретической базы и нуждается в концептуальном совершенствовании. Принуждение остается в тени сдерживания, хотя и получило новое дыхание после Холодной войны, когда казалось, что методы классического сдерживания, основанного на биполярной конфронтации ядерных держав, потеряли свою актуальность. На некоторый период это открыло путь для новых концепций в рамках исследований по безопасности, более сконцентрированных на конвенциональном сдерживании и принуждении. Тем не менее, принуждению все еще необходимо дальнейшее усовершенствование.

Кроме своего отношения к статус-кво, другим важным фактором, отличающим принуждение от сдерживания, является различие подходов к факторам времени и проявлению инициативы. Сдерживание предполагает «пассивный подход», без временной фиксации, с главным (и зачастую единственным) условием сдерживающей стороны к оппоненту воздержаться от неприемлемого шага. Сигнализируя оппоненту степень последствий в случае совершения такого шага, сдерживающая сторона демонстрирует готовность ждать «до бесконечности», оставляя оппоненту бремя ответственности за дальнейшее развитие событий.

В свою очередь, принуждение предполагает активное политическое и военное поведение, нацеленное на переубеждение оппонента изменить статус-кво под угрозой применения силы. Принуждение требует проявления постоянной и стабильной инициативы. Угрозы принуждающей стороны продолжаются до тех пор, пока оппонент не пойдет на уступки или откажется от уже совершенных действий. Для максимальной эффективности принуждение нуждается в фиксации временного срока, после которого принуждающая сторона демонстрирует готовность применить силу. При этом важно отметить, что открытое военное насилие не является главной целью принуждения. Как точно подметил видный исследователь в сфере экономики и стратегии Томас Шеллинг,

«успешные угрозы – это те, которые не нужно реализовывать». Это значит, что угрозы принуждающего должны быть убедительными.

На различных стадиях конфликта один и тот же актор может использовать стратегии и сдерживания, и принуждения. Например, вплоть до заключения перемирия в 1994 г., Армения преимущественно придерживалась стратегии принуждения в карабахском конфликте. Однако сейчас Армения предпочитает сдерживание. Одна и та же сторона также может одновременно реализовывать сдерживание и принуждение в отношении различных акторов. К примеру, Армения реализует стратегию сдерживания в отношении Азербайджана, и, одновременно, принуждение применительно к Турции, с целью заставить Анкару признать геноцид 1915 г. и удержать ее от прямого вовлечения в карабахский конфликт³.

По определению, имплементация и функционирование принуждения намного сложнее, чем сдерживание. В принципе, в данном контексте стратегия сдерживания может потерпеть неудачу только один раз – если противоположная сторона решилась на неприемлемый шаг, например, начав военные действия. В случае же принуждения существует два четких индикатора провала. Первый, если оппонент принуждающей стороны не уступил. Второй – если принуждающий был вынужден использовать силу.

Другой важной особенностью принуждения, делающей эту концепцию более сложной в реализации, является ее различное политико-психологическое содержание. Как отмечается в одном из исследований RAND:

«Обычно легче заставить потенциального нападающего отказаться от первоначальной атаки, чем принудить его отменить атаку, которая уже осуществлена, исходя из множества достаточно очевидных причин, как, например, политическая и психологическая цена отказа от действий после их публичного осуществления»⁴.

В рамках принуждения это приводит к тому, что легче воздержаться от еще нереализованного замысла под угрозой неминуемых потерь, чем заставить противника отказаться от уже достигнутых результатов, даже с учетом серьезных последствий. Согласно политологу Патрику Моргану, «использование силы для сохранения статус-кво зачастую выглядит психологически более легитимным (для вовлеченных сторон и наблюдателей), чем попытки изменить его».

³ О признании геноцида в качестве асимметричного политического ресурса см. подробнее: Александр Искандарян, Сергей Минасян, «Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс», *Аналитические доклады Института Кавказа*, №1, январь 2010.

⁴ David E. Johnson, Karl P. Mueller, Williard H. V. Taft, *Conventional Coercion Across the Spectrum of Operation: The Utility of U.S. Military Forces in the Emerging Security Environment* (RAND), 2002, 14.

Практика принуждения: действительно ли оно в карабахском конфликте?

Разрабатывая основы силовой политики, ученый-политолог Томас Шеллинг во многом основывался на примере стратегии принуждения Соединенных Штатов в отношении Северного Вьетнама, в частности, постепенной эскалации военных угроз, дошедших до уровня стратегических авиационных бомбардировок ВВС США. Однако, его классический труд так и не объясняет, почему эта стратегия не привела к однозначному успеху принуждения в отношении Северного Вьетнама и даже вовлекла Соединенные Штаты в полномасштабную войну.

Таким образом, одним из наиболее уязвимых аспектов принуждения является недостаточная проработанность в вопросе убедительности угроз применения силы. При этом недооценивается степень «болевого порога» противников, что делает невозможным исключительное упование на количественные параметры и волю принуждаемой стороны.

Анализ публичных заявлений азербайджанских официальных лиц создает впечатление, что военно-политическое руководство Азербайджана недостаточно серьезно осознает более высокий уровень «болевого порога» Армении и Нагорного Карабаха, несмотря на то, что вся динамика двух десятилетий конфликта должна была убедить его в этом. Это создает у азербайджанского правительства иллюзию того, что принуждение может увенчаться успехом, хотя в реальности оно скорее приводит к провалу (невозможности заставить Армению и Нагорный Карабах изменить свою политику).

Оценку «болевого порога» необходимо расширить анализом военного баланса. Третьи стороны могут не только играть роль в сдерживании предоставлением помощи своим союзникам («расширенное сдерживание»), но и участвовать в минимизации угроз принуждения. В случае карабахского конфликта, инициирование гонки вооружений, основанной на доходах от нефти и газа, является важным элементом стратегии принуждения Азербайджана. Однако, азербайджано-армянский военный баланс зависит не только от способностей сторон самих вооружаться, но также от вовлечения влиятельного внешнего актора – России, которая осуществляет льготные поставки вооружений Армении.

Более того, военный баланс является хотя и важным, но лишь одним из многих элементов эффективной стратегии сдерживания или принуждения. В реальности, баланс мотиваций/интересов может играть более важную роль. В исследовании по кубинскому ракетному кризису, политический ученый Ричард Нед Лебоу показал, что:

«Военный баланс не был определяющим фактором ни разрешения кризиса, ни его результатов. Решение Кеннеди на установление военной блокады вместо авиационных ударов, решение Хрущева вывести свои ракеты и готовность Кеннеди вывести [свои ракеты] «Юпитер» отражали их

политические подходы и оценки рисков и цены эскалации. Лидеры с различными оценками или концепциями возможности военной акции могут принимать различные решения».

Более того, как и в асимметричном конфликте, стратегия принуждения может потерпеть неудачу при использовании против количественно уступающего противника, имеющего большую мотивацию в достижении своих целей. Асимметрии силы и мотивации зачастую даже более взаимосвязаны. Как утверждает политолог Айванн Аррегин-Тафт:

«Силовая асимметрия объясняет асимметрию интересов... Сильные акторы имеют меньший интерес к победе, т.к. их собственное выживание не является ставкой в конфликте. С другой стороны, слабые акторы имеют повышенную мотивацию к победе, т.к. только победа обеспечивает их выживание».

Несмотря на многие сложности в реализации стратегии принуждения, она не должна рассматриваться как фундаментально более слабая стратегия, чем сдерживание. Хотя принуждение сталкивается со многими проблемами при реализации, она также имеет свои преимущества. Актор, реализующий стратегию принуждения, приобретает «роскошь» контролировать уровень и продолжительность пропагандистской риторики. В случае карабахского конфликта азербайджанское руководство уже второе десятилетие не способно достичь своих целей посредством реализации политики принуждения. Однако его заявления о том, что Азербайджан рано или поздно, безусловно и неизбежно, реализует свои угрозы, позволяет руководству этой страны сохранять свою политическую репутацию во внутренней политике и на международной арене.

Стратегия принуждения также *a priori* создает психологически и политически более комфортную ситуацию в контексте военных угроз. Политическим элитам Азербайджана намного приятнее осознавать, что возможность новой войны в Карабахе зависит от их выбора, чем армянам в Карабахе жить под постоянной угрозой. Азербайджанское руководство постоянно угрожает возобновлением боевых действий, с видимым удовольствием эксплуатируя возможность, предоставляемую особенностями принуждения⁵.

⁵ В интервью турецкому телевидению в марте 2012 г. президент Азербайджана Ильхам Алиев заявил, что если Армения отступит от своей позиции, то тогда будет возможно для армян в Нагорном Карабахе жить в безопасности. После этого он добавил: «А сейчас они живут в страхе. Мы это знаем. Люди не могут постоянно жить в страхе. Так как они прекрасно знают, что сегодня азербайджанская армия может с легкостью восстановить суверенитет Азербайджана в Нагорном Карабахе...». См. подробнее: Ильхам Алиев: Турция и Азербайджан – «единый кулак, а тот, кто «встрял между нами» - живет в страхе, <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/armenia/1505536.html>.

Важным элементом стратегии принуждения Азербайджана является перманентное поддержание напряженности вдоль линии фронта. Призывы международного сообщества прекратить такого рода акции, приводящие к бессмысленным жертвам, и вывести снайперов с линии соприкосновения, остаются безответными. У Азербайджана есть причины не снижать напряженность, иначе его стратегия принуждения может потерять убедительность. Лишь наличие перманентных стычек вдоль линии соприкосновения, а также границы Азербайджана с Арменией позволяет воспринимать серьезно уже долгое время нереализуемые угрозы из Баку⁶.

Стратегия принуждения также имеет некоторые возможности для проявления гибкости. Как подчеркивает Ричард Нед Лебоу, это возможно в виде «угроз, отклонение которых делает их слишком затратными, или вознаграждений, делающих их более привлекательными». Более позитивное измерение принуждения, доказало свою эффективность во многих случаях, например, в политике США в Центральной и Латинской Америке, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Однако она оказалась безуспешной в случае Карабаха. Позитивные предложения карабахским армянам, взамен на готовность изменить статус-кво, могли бы быть важным компонентом стратегии принуждения со стороны Азербайджана. Это, однако, требует серьезного политического мужества от азербайджанского руководства. Упор на позитивную сторону принуждения, включая определение рамок возможных компромиссов, содержит определенный риск для руководства Азербайджана. Кроме потерь репутации во внутривнутриполитическом поле, это существенно ослабит потенциал для эффективной стратегии принуждения, если Баку решит вновь вернуться к использованию военных угроз.

Заключение

Продолжающаяся неэффективность принуждения в карабахском конфликте заключается не только в ее теоретической уязвимости, как стратегии. Конечно же, заставить противника отказаться от того, что он уже имеет, намного более сложная задача, чем сдержать противника от искушения совершить какой либо шаг под угрозой возмездия. Демонстрируемый уже два десятилетия сторонами максимализм загнал их в ловушку завышенных ожиданий и ограничил степень маневра, особенно в вопросе позитивных предложения в рамках стратегии принуждения.

⁶ В ходе встречи с действующим председателем ОБСЕ, ирландским министром иностранных дел Эймоном Гилмором 13 июня 2012 г., его азербайджанский коллега Эльмар Мамедъяров отклонил предложение о механизме по расследованию инцидентов на линии соприкосновения и выводу снайперов, утверждая, что «если мы начнет применять этот механизм сейчас, это будет означать лишь укрепление статус-кво». См. подробнее: <http://asbarez.com/103627/baku-rejects-sniper-withdrawal/>, June 14, 2012.

Стратегии принуждения и сдерживания реализуются в карабахском конфликте с самого его начала, в то время как попытки анализа этого феномена достаточно новы. Тематика силовой политики требует большего теоретического внимания, что необходимо для выработки практических рекомендаций.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в Институте исследований Европы, России и Евразии (IERES) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org